

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.424

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-1-82-97

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ВО ФРАНЦИИ

Гевель Д.

Парижский университет

75019, г. Париж, Индокитайский б-р, д. 12, Французская Республика

Аннотация

Цель. Охарактеризовать действие и особенности договорных отношений, связанных с рисками непредвиденных обстоятельств, проанализировать особенности развития института обязательств в период пандемии 2020 г.

Процедура и методы. Рассмотрены изменения французского гражданского законодательства, касающиеся исполнения договорных обязательств, и ограничительные меры, которые стали основанием для невыполнения договорных обязательств. Раскрыты проблемы обязательственных правоотношений, вызванные непредвиденными обстоятельствами и возникающие во Франции в связи с распространением коронавирусной инфекции. В работе использовались методы: анализа и синтеза, юридической компаративистики, сравнительный и логико-юридический.

Результаты. Автором сделан вывод, что последствия, вызванные пандемией 2020 г., могут быть признаны в качестве основания освобождения от ответственности стороны договора за его невыполнение, отмечена важность применения в таких ситуациях принципов гражданского права.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят теоретический вклад в развитие института договорных обязательств.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, договорные отношения, форс-мажор, освобождение от ответственности, прекращение обязательства, неисполнение обязательств

UNFORESEEN CIRCUMSTANCES: HISTORY OF THE INSTITUTION OF COMMITMENTS IN FRANCE

D. Gevel

University of Paris (Sorbonne)

Indochina Boulevard 12, Paris 75019, French Republic

Abstract

Aim. Describe the effect and characteristics of contractual relations related to the risks of contingencies, analyze the features of the development of the institution of obligations during the pandemic 2020.

Methodology Changes in French civil law relating to the performance of contractual obligations and restrictive measures that led to non-compliance were analyzed. Problems of binding legal relations caused by unforeseen circumstances and arising in France in connection with the spread of coronavirus infection are disclosed. The work used the following methods: analysis and synthesis, legal comparativistics, comparative and logical-legal.

Results. The author concluded that the consequences caused by the 2020 pandemic can be recognized as the basis for exemption from the responsibility of the party to the treaty for its non-compliance; the importance of applying the principles of civil law in such situations was noted.

Research implications. The results of the study make a theoretical contribution to the development of the institution of contractual obligations.

Keywords: civil contract, contractual relations, force majeure, exemption from liability, termination of obligation, default

«Нужно ожидать неожиданного.

Пребывание в этом состоянии сопротивления
позволяет делать ставки на невероятное...»

Эдгар Морин

Введение

Составление договора – это искусство пытаться всё предусмотреть, особенно когда речь идет о последовательном исполнении, с целью избежать споров, которые всегда вредны и затратны. Даже если почти все можно представить заранее, мы обычно ограничиваемся в договорах разумно предсказуемыми рисками [6, с. 225]. Однако может случиться так, что произойдет чрезвычайное и непредотвратимое обстоятельство, которые невозможно было предвидеть в момент заключения договора и которое послужило основанием невозможности исполнения обязательства¹ [38]. Пример пандемии 2020 г. демонстрирует это. Теория форс-мажора² позволяет

должнику временно не исполнять обязательства из-за форс-мажора, но при стороны не могут отказаться от договора, и соответственно речь идет только об отмене времени действия договора. Конечно, по соглашению сторон возможно изменить его условия или расторгнуть его. Но возможно ли при отсутствии обоюдного согласия сторон добиться расторжения договора или внесения в него изменений с помощью суда? Именно такой вопрос возникает, когда говорят о теории «непредвиденных обстоятельств».

Французские учёные никогда не переставали интересоваться вопросом непредвиденных обстоятельств, являющимся предметом бесконечных споров³ [3; 5; 18; 20; 25; 42; 44; 47]. С момента появления Гражданского кодекса в 1804 г. французское обязательственное право постоянно развивается. В происходящих изменениях можно выделить 4 основных блока: функциональное назначение (I), которое затем было урегулировано как прецедентным правом (II), так и законом (III), и в условиях непредвиденных обстоятельств сложилась тенденция, согласно которой договорные предписания – это единственное, на что следует положиться (IV).

¹ Cornu J. Legal Dictionary. France, University of France Publ., 2022. 1106 p

² В ст. 1218 Гражданского кодекса Франции определено: «Форс-мажор в договорных делах имеет место, когда событие, не зависящее от должника, которое нельзя было разумно предвидеть при заключении договора и последствия которого не могут быть устранены соответствующими мерами, препятствует исполнению должником своего обязательства. Если препятствие носит временный характер, исполнение обязательства приостанавливается, за исключением случаев, когда возникшая задержка оправдывает расторжение договора. Если препятствие является окончательным, договор автоматически прекращается, и стороны освобождаются от своих обязательств на условиях, предусмотренных ст.ст. 1351 и 1351-1».

³ Lecuillet H. Contract, act of forecast // Mixtures François Terré. 1999. 643 p.

Сегодня актуализирована проблематика ситуации в связи с наступлением пандемии 2020 г.¹ [16; 21; 22; 27]. Учёными отмечены непредвиденные обстоятельства, которые не зафиксированы ни в прецедентном праве, ни в законах, и в этом случае договор является единственным источником права, к которому следует обращаться при возникновении непредвиденных обстоятельств.

Возникновение обстоятельств, не предусмотренных в договоре

В договорной практике всегда были и по-прежнему существуют множество препятствий и непредвиденных обстоятельств. Соответственно одной из основных задач юристов является создание надёжного правового регулирования, обеспечивающего безопасность правоотношений, не допускающего ситуаций, чтобы они подвергались сомнению. Как отмечает Жан Карбонье, «безопасность бизнеса... предполагает прочность контрактов» [8; 24].

Обязательная сила контракта в новой ст. 1103 Гражданского Кодекса Франции подчёркивается через формулировку: «Юридически оформленные контракты являются законными для тех, кто их заключил». Принципы добровольности, добросовестности, свободы договора выступают элементами, презюмирующие содержание определения обязательств. Однако учитывая, что понятие «обязательство» трактуется достаточно давно², в практике сфор-

мировалась концепция, согласно которой принцип добросовестности выступает как более первичная установка, но взаимосвязь с другими принципами при этом не утрачивается. В гражданском праве взаимосвязь и взаимодействие принципа доброй воли субъектов гражданских правоотношений и принцип свободы договора, согласно которого судья должен следовать букве договора так, как он следует букве закона даже в том случае, если он считает, что решение, которое оно влечёт за собой, является несправедливым в гражданском праве, являются устоявшимися³. Данное обстоятельство выступает гарантией, способствующей недопущению «эффекта домино», способного при оспаривании договора привести к нестабильности обязательственных отношений⁴. Также важное значение имеет основополагающий принцип гражданского и международного права «договоры должны соблюдаться» (*Pacta sunt servanda*) независимо от того, на каком основании возникли правоотношения, и это должно обязательно учитываться судьями при разрешении возникающих в сфере обязательственного права споров.

Наконец, существует принцип денежного номинализма (*le principe du nominalisme monétaire*), упомянутый в ст. 1895 Гражданского кодекса и применимый к любому договору («Обязательство, вытекающее из денежной ссуды, всегда только на сумму, указанную в договоре, если имело место увеличение или уменьшение звонкой монетой до момента платежа, должник обязан вернуть ссуду и должен вернуть эту сумму только в «звонкой монете», имеющейся в момент платежа»), номинализм, однако, сдерживаемый ме-

¹ Shovir F. Unpredictability, health crisis and contracts, Court of Cassation. In: *Report at the conference "Health crisis and contracts" dated October 16, 2020*. URL: <https://www.uggc.com/wp-content/uploads/2020/10/crise-sanitaire-et-contrats.pdf> (дата обращения: 18.02.2022); Leveneur-Azémar M. Insights from comparative law on the interpretation of the reform of contract law // Dalloz Collection 2020. P. 165–169; Grimaldi C. Ordonnances du 25 mars 2020 relatives au Covid-19 et droit des contrats immobiliers : des questions subsistent // Defrénois: [сайт]. URL: <https://www.defrenois.fr/article/defrenois/DEF159e6> (дата обращения: 18.02.2022).

² Ulpian (3ème siècle), in *Digeste de Justinien*, 2, 14, De pactis; Tosi V. R. (trad. R. Lenoir), *Dictionnaire des sentences latines et grecques*, Jérôme Million, (1ère éd. en Italien 1991, 1ère éd. en français 2010), n° 961, p. 714 et s.; Roland H. et L. Boyer, *Adages du droit fran-*

çais, LexisNexis, 3ème éd. 1992, n° 293, p. 618; V. aussi Georges Ripert, *La règle morale dans les obligations civiles*, 4ème éd. LGDJ, 1949, n° 84, p. 151: « Admettre la révision des contrats toutes les fois que se présente une situation qui n'a pas été prévue par les parties serait enlever au contrat son utilité même, qui consiste à garantir le créancier contre l'imprévu ».

³ См.: Буарен П., Губо Ж. *Гражданское право*. Т. 1. 2016. С. 418.

⁴ Terré F., Simler P., Lequette Y. *Civil Law: The Obligations*. In: Dalloz, 2002.

ханизмами индексации (но заметим – уже механизмы договорного происхождения).

Правоведами критикуется потенциальная возможность судьи корректировать договор, который подвергается в таких ситуациях изменениям (разумеется, по одностороннему требованию одной стороны или даже по совместному требованию всех сторон). По мнению ряда учёных, признать трудности по выполнению обязательств, возникшие в результате непредвиденных обстоятельств, основанием для изменения обязательств означает дать судье право, не входящее в его основные задачи: право вмешиваться в договор, который должен оставаться «предметом» сторон [8; 33; 45]. В законодательстве написано, но не вполне убедительно, что это вмешательство судьи нарушило бы принцип свободы договора (ст. 1102 ГК)¹.

Другие правоведаы полагают, что посредством суда возможно скорректировать условия договора и тем самым обеспечить возможность его реального выполнения, позволяя ему продолжаться. Если учесть, что любой договор с последующим сроком действия составляется таким образом, что условия соглашения сохраняются всегда в его первоначальном состоянии, любая договоренность может постоянно подвергаться сомнению.

Но эта концепция в целом отвергается. Идея о том, что предписание позволяет контракту или договору стать неприменимым из-за фундаментального изменения обстоятельств, может подразумеваться в любом договоре и была фактически принята только в каноническом праве. Тем не менее, следует признать, что нематериальность может быть источником беззакония и, следовательно, источником беспорядков в социальных отношениях. Затем косвенно выясняется, что вопрос о социальной функции контракта и идея

о том, что принятие непредвиденного обстоятельства служит не только идеалу коммутативной справедливости, но и требованию поддержания социального порядка [43].

Д. Карбонье сказал: «Бизнес ... вполне мог бы выиграть в безопасности, если бы стороны были уверены, что смогут добиться справедливого пересмотра контракта в случае действительно непредвиденных потрясений» [8, р. 506].

Таким образом, идея справедливости лежит в основе признания принципа честности в договорных отношениях, основу содержания которого составляют высказывания о том, что «выполнение обязательств зависит от честности человека» (*Secundum honoratam ex qualibet promissione homo homini obligatur*) и принципа добросовестного выполнения обязательств (*pacta sunt servanda*). Неслучайно непредсказуемость (пусть она, без сомнения, и чрезмерна) была допущена в каноническое право со времён Грациана, в XII в. [41, р. 618].

Непредвиденные обстоятельства не влияют ни на обновлённую теорию солидарности (инициированную К. Жаменом [20] и подкреплённую Д. Мазо [26], которая, вероятно, во многом способствовала приданию решающего импульса реформе обязательственного права. Мы близки к «социальному гражданскому праву», которое можно найти в некоторых зарубежных правовых системах. «То, что часто преподносится как веяние теории непредвиденного, всего лишь проистекает из общего процесса морализации контракта, проводимого под эгидой добросовестности»².

Вся реформа 2016 г. также основана на духе добросовестности. ГК Франции в ст. 1104 закрепляет: «Договоры должны заключаться, формулироваться и исполняться добросовестно. Это положение является общественным порядком»³.

¹ Pillet F. Rapport no.°22 (2017–2018), Sénat 11 oct. 2017, p. 3.; Preliminary draft: Reform of the law of obligations (Articles 1101 to 1386 of the Civil Code) and of the law of prescription (Articles 2234 to 2281 of the Civil Code) [Электронный ресурс]. URL: http://www.justice.gouv.fr/art_pix /CATALASEPTEMBER2005 REPORT.pdf (дата обращения: 18.02.2022).

² Thibierge L. The contract in the face of the unexpected. Éditions Économica, coll. "Legal Research", 2011, p. 167.

³ См.: Гражданский кодекс Франции (ст. 1112, 1198, 1342-3, 1352-1).

Наконец, с признанием непредвиденных обстоятельств обнаруживаются признаки борьбы с либерализмом [19, р. 32–37], усугубленным либерализмом, поскольку закон призван защищать самых слабых и в перспективе достичь распределительной справедливости.

Первоначально в ГК 1804 г. Французское гражданское право должно было преувеличивать абсолютизм частной собственности и договорную свободу для закрепления достижений Революции. Таким образом, Гражданский кодекс начала XIX в. не содержал статьи, посвященной непредвиденным обстоятельствам, и школа экзегезы, верная своим методам, преждевременно истолковала это как отказ, хотя это было всего лишь умолчанием¹.

Но всё наводило на мысль, что как только правовое регулирование стабилизируется без риска возвращения феодалов, юриспруденция или закон довольно быстро эволюционируют в пользу признания непредвиденного механизма на стыке справедливости. То, что последовало за этим, оказалось гораздо более «мучительным», чем ожидалось.

Юридические основания освобождения от обязательств в связи с возникновением непредвиденных обстоятельств

Во Франции применение прецедента допускается только для публичного права. Решения Государственного Совета «воспринимаются» как прецедентное право. С другой стороны, если они в большинстве случаев принимаются во внимание, то решения суда кассационной инстанции необязательно должны выполняться судьями, которые будут выносить последующие решения.

Таким образом, можно понять, что непредвиденные обстоятельства были более легко приняты (с 1916 г.) юриспруденци-

ей², но только в отношении административных контрактов, особенно обусловленных необходимостью обеспечения действия государственного аппарата. Часто консервативные и даже пассивные высшие административные советники (чиновники) таким образом сумели проявить современный подход. Было бы логично предположить, что судьи частного права последовали бы их примеру, даже если бы процедура оказалась затянувшейся из-за отсутствия официального правила прецедента для судебного разбирательства.

Хотя правило прецедента действовало в рамках дел гражданского права, однако, с одной стороны, английская юриспруденция изначально отказалась признать теорию непредвиденных обстоятельств, тем не менее в стране довольно рано утвердилась практика их применения³. С другой стороны, после более чем известного решения 1876 г.⁴ во Франции судьи по частному праву упорно отказывались признавать теорию непредвиденных обстоятельств и делали это с редким постоянством [11, р. 441]. Тем не менее была возможность добиться прогресса даже в рамках ограниченных полномочий кассационного суда.

Сторонники признания «непредсказуемости» как правового основания нередко пытались увидеть его в судебных решениях, приводя в качестве подтверждения своих доводов решение Кассационного суда Франции от 16 марта 2004 г. № 01-15.804, в котором было принято во внимание непредвиденное изменение экономических обстоятельств и юридически обоснована важность необходимости пересмотреть условия субконтракта, не принимая во

¹ Thibierge L. The contract in the face of the unexpected. Éditions Économica, coll. "Legal Research", 2011. p. 297.

² См.: Решение Государственного Совета Франции от 30 марта 1916 г. «Compagnie Générale d'Eclairage de Bordeaux» [Электронный ресурс]. URL: <https://cours-de-droit.net/arret-compagnie-eclairage-bordeaux/> (дата обращения: 18.02.2022).

³ См.: Постановление Верховного Суда Англии от 6 мая 1863 г. «Тейлор против Колдуэлла» (Taylor and Another v Caldwell and Another: QBD 6 May 1863).

⁴ Решение Кассационного суда Франции от 6 марта 1876 г. по делу относительно ирригационного контракта (Arrêt Canal de Craponne) [Электронный ресурс]. URL: https://mafr.fr/IMG/pdf/canal_de_craponne.pdf (дата обращения: 18.02.2022).

внимание обязательство о лояльности и добросовестном исполнении; решение Кассационного суда Франции от 24.11.1998 № 96-18.357, в котором отмечено, что принимая во внимание непредвиденные обстоятельства, необходимо предоставить коммерческому агенту возможность выполнить свои обязательства. Развитие на их основе института непредвиденных обстоятельств в гражданском праве опиралось на принципы добросовестности¹, недопустимости отказа в пересмотре условий договора²; предоставления возможности выполнить договорные обязательства³, лояльности, которые встречаются в различных текстах, например, ст. 4 Закона от 25.06.1991, касающегося отношений между коммерческими агентами и их доверителями (*Loi n°91-593 du 25 juin 1991 relative aux rapports entre les agents commerciaux et leurs mandants*)⁴, а также сформировавшихся практических комментариев обязательственного права (от старой версии ст. 1135 до ставшей в результате реформы новой ст. 1194 Гражданского кодекса Франции). Однако ни одна из возможностей в этих благоприятных условиях не была поддержана судьями частного права. Поэтому у Кассационного суда было сознательное и настойчивое желание не сталкиваться с этими непредвиденными обстоятельствами [8; 11; 40].

Итак, тексты допускают некоторые специфические и скромные случаи возможных трудностей по выполнению обязательств, и прецедентное право могло бы, как и в случае с другими нормами, воспользоваться этим, чтобы обобщить

принципы, выраженные во всех отмеченных примерах из судебной практики, и воздержаться от изменения условий договора, распространив их как набор общих принципов на все случаи, не устранив от принятия решения.

Закон совсем недавно изменил положение вещей. Но на данный момент (даже если ещё рано делать серьёзные выводы), после реформы, описанной ниже, судьи не часто используют новые документы (признание того, что принцип состязательной процедуры разбирательства даёт им очевидное оправдание), т. к. нет причины, по которой они должны пользоваться ими.

К вопросу о законодательном регулировании непредвиденных обстоятельств как элемента в обязательственных правоотношениях

Законодатель попытался незаметно внедрить идею развития непредвиденных обстоятельств в обязательственном праве, предусмотрев различные разовые исключения и подумав, что нужно передать её судьям в надежде, что эти многочисленные исключения в конечном итоге приведут к выработке общих принципов. Такого рода гибкие отступления от законодательного регулирования через формирующуюся судебную практику уже давали свои результаты, например, в случае с институтом аренды [10, р. 401]. С течением времени количество таких исключений увеличилось (например, ст. 900-1 Гражданского кодекса, пункты, касающиеся неотчуждаемости, ст. 900-2 о гарантийных условиях, абз. 2 ст. 1152 (ставшая ст. 1231-5), пункты относительно неустоек, ст. 1223 – о снижении цен в случае некачественного исполнения услуг, ст. 1644 – об оценочном иске в случае сокрытия дефекта, ст.ст. 1616 и 1619 – в случае торговли и неточных замеров, ст. Л. 131-5 Кодекса об интеллектуальной собственности – о недостаточном прогнозировании после передачи прав на творческое произведение...) и др. Многие учёные высказывались о необходимости реформирования института непредвиденных об-

¹ См.: Постановление Палаты по гражданским делам Кассационного суда Франции от 03.11.1992 № 90-18.547.

² См.: Постановление Палаты по гражданским делам Кассационного суда Франции от 29.06.2011 № 10-85.479.

³ См.: Постановление Палаты по гражданским делам Кассационного суда Франции от 29.06.2010 № 09-67.369.

⁴ Loi n°91-593 du 25 juin 1991 relative aux rapports entre les agents commerciaux et leurs mandants // Legifrance : [сайт]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000172596/> (дата обращения: 18.02.2022).

стоятельств в договорном праве, указывая на созревшую потребность формирования чёткого перечня обстоятельств, которые являются нарушением договора, приводя в качестве примера успешную по этому вопросу конструкцию правового регулирования, созданную в договорном праве других стран [13, р. 211]. С. Шаба в своей диссертации «Законное неисполнение контракта» (2002 г.) приводит соответствующие примеры, в частности, факты того, что она называет «последствиями непредвиденных обстоятельств», побуждающие как можно скорее задуматься о важности проведения реформы по вопросу непредвиденных обстоятельств [10, р. 110].

Но в рамках реформы гражданского права не были учтены практические и теоретические наработки относительно института непредвиденных обстоятельств, как следствие во Франции, по сравнению с другими государствами, этот вопрос является одним из нерешённых, тогда как другие государства в своих документах чётко установили обстоятельства, которые следует считать нарушениями основы договора. Так, например, в 2020 г. в Аргентине такого рода обстоятельства были чётко определены в гражданском праве, и во многих странах романо-германской правовой семьи (Италии, Нидерландах, Греции, Румынии, Дании, Финляндии, Швеции и др.), практически разрешён этот вопрос через истолкование законодательных текстов, соответственно, устоявшимся стал принцип о недопустимости расторжения договора в случае непредвиденных обстоятельств¹ [13, р. 211; 39; 47, р. 403].

Франция считается одной из стран Европы, которая не признала теорию непредвиденного. В докладе Ф. Пийе 2017 г. утверждается, что в Европе не осталось никого, кроме Франции, Бельгии и Люксембурга, кто не преодолел этот ба-

рьер². За пределами Европы Мексика приняла его (по крайней мере, гражданский кодекс Мексики) в 2010 г., гражданский и торговый кодекс Аргентины в 2015 г. вносит его в ст. 1091; в Чили это положение предусмотрено с 1974 г. (но только в административном праве), в Египте – с 1948 г., Алжир и Сирия применяют его по обстоятельствам. Комиссия Ландё включила это положение в Принципы европейского права контрактов, а также и в Принципы Юнидруа [9].

Реформа французского права стоила больших трудов³. Ещё в 2011 г. в своей научной работе Л. Тибьерж предлагал ответить на вопрос, что такое континуум (*continuum*), который он рассматривал как прогрессивное решение проблемы непредвиденных обстоятельств с ответами, соответствующими каждой степени значимости, бездействия, контракта («непредвиденная угроза» и «непредвиденная отмена»)⁴. Законодатель, чей выбор решения не зависит от непредвиденных обстоятельств, тем не менее также придерживался идеи своего рода постепенности ответа (но на этот раз процессуальной), который необходимо дать.

После долгих колебаний он был избран в качестве «законодательного органа» по этому делу, но не сохраняя в качестве окончательного решения то, что предложил Л. Тибьерж⁵, а именно: прекращение действия договора, правительство было уполномочено, в соответствии с законом № 2015-177 от 16.02.2015, подготовить обращение к постановлению, которое позволяет избежать внесения специальных поправок; но недостатком этого является ослабление легитимности, демократического доверия к тексту; законопроект о ратификации (без изменений) был пред-

¹ Leveneur-Azémar M. Insights from comparative law on the interpretation of the reform of contract law // Dalloz, 2020. P. 165–169; Deshayes B. The new place of French law in the international space // Gazette du Palais. Special edition 3 (Droit & commerce colloquium): A new contract law at the service of French business law). 2017. P. 31.

² François Pillet, Rapport n° 22 (2017–2018), Sénat 11 oct. 2017, p. 1.

³ См.: Проекты канцелярии 2011 и 2013 гг., проект Пьера Катала 2005 г., проект Франсуа Терпе 2013 г. и, наконец, проект Ордонанса 2015 г.

⁴ Thibierge L. The contract in the face of the unexpected. Éditions Économica, coll. “Legal Research”, 2011. 552 p.

⁵ Там же.

ставлен Совету министров 6 июля 2016 г. [23, р. 9]

Этот закон прямо предусматривал возможность обеспечения изменения контрактов, согласно меняющимся обстоятельствам. Можно было подумать, что грядёт настоящая революция.

Ведущие учёные-юристы внесли свой вклад в подготовку нескольких докладов (отчётов) для консультирования правительства при решении этой задачи. В частности, П. Катала в Закон № 2015-177 от 16.02.2015: «б: Указать правила, касающиеся последствий договора между сторонами и в отношении третьих лиц, закрепив возможность для них адаптировать свой договор в случае непредвиденных обстоятельств»; Ф. Терре в ст. 1135-1 об искусстве: «...В договорах с последовательным или поэтапным исполнением стороны могут обязаться вести переговоры об изменении своего соглашения в случае, если в результате обстоятельств первоначальный баланс взаимных услуг будет нарушен до такой степени, что договор утратит силу»; 1135-2: «При отсутствии такой оговорки сторона, утратившая интерес к договору, может обратиться к председателю суда большой инстанции с просьбой о проведении новых переговоров»; 1135-3: «При необходимости эти переговоры будут применяться, как указано в гл. 1 этого титула. Их неисполнение по вине недобросовестных действий дало бы каждой стороне возможность расторгнуть договор без предъявления обвинений или ущерба»¹.

Вместе с тем в Министерстве юстиции был разработан первый проект правового регулирования, касающегося обязательств сторон, даже если исполнение последних стало более обременительным. В нём учитывался тот момент, что стороны должны пересмотреть договор с целью его адаптации или расторжения, когда исполнение становится чрезмерно обременительным для одной из них в результате непредвиденного изменения обстоя-

тельств и она не согласилась принять на себя риск при заключении договора. При отсутствии соглашения между сторонами в разумный срок судья может изменить договор с учётом законных ожиданий сторон или расторгнуть его. Затем правительство организовало общественные консилиумы через сеть Интернет², и итоговый документ был фактически изменён по сравнению с первым предложенным документом (с 25 февраля по 30 апреля 2015 г.). Если судья мог расторгнуть договор по просьбе одной стороны, он мог и изменить его по запросу сторон-участниц [28; 29, р. 516]. В научной литературе стали появляться предложения в пользу пересмотра положения об односторонней инициативе назначения судьи, и это было услышано³ [31; 35; 36; 46].

Итак, речь идёт об очень хорошо подготовленном и обдуманном документе – указе № 2016-131 от 10.02.2016 (о реформе договорного права, общего режима и доказательства обязательств), который впервые предусмотрел во французском частном праве механизм пересмотра на случай непредвиденных обстоятельств. Но ожидание затянулось. Поскольку часто ратификация постановлений носит символический, даже негласный характер [33, р. 2390], законопроект о ратификации вновь обсуждался по своему содержанию между членами парламентских собраний (в рамках парламентских собраний), а также он стал передаваться между Национальной Ассамблеей и Сенатом. Несмотря на готовность Сената внести довольно серьёзные изменения, которые лишали судью его основных полномочий, документы исполнительной власти и Национального собрания были включены в окончательный закон № 2018-287 от 20.04.2018, ратифицирующий указ № 2016-131 от 10.02.2016 о реформе договорного

² Первый проект Канцелярии представлен 27 ноября 2013 г. // Мазо Д. Договорное право. Реформа на горизонте! 2014. С. 292.

³ Vigneau V. The reform of contract law: a new office for the judge? // A new contract law at the service of French business law, Colloque Droit & commerce, Deauville, 24–25 March 2017.

¹ Leveneur-Azémar M. Insights from comparative law on the interpretation of the reform of contract law // Dalloz Collection 2020. P. 165–169.

права, общего режима и доказательства обязательств.

Объект «особого внимания», новизна, по-видимому, является очевидной [30; 32]. Ст. 1195 ГК в настоящее время гласит: «Если изменение непредвиденных обстоятельств при заключении договора делает исполнение чрезмерно дорогостоящим для стороны, которая не согласилась взять на себя риск, она может потребовать пересмотра договора со своим контрагентом. Она продолжает выполнять свои обязательства во время пересмотра соглашения. В случае отказа или безуспешности в пересмотре соглашения стороны могут договориться о расторжении договора в установленную ими дату и на определённых ими условиях или по обоюдному согласию попросить судью приступить к его корректировке. В случае несогласия сторон в пределах допустимого времени судья может по просьбе одной стороны пересмотреть договор или расторгнуть его, указывая условия и дату (даже если, как пишет профессор Р. Боффа, «это не потрясает самую суть материала») [7].

Данный документ предусматривает соблюдение материально-правовых условий, вызывающих трудности в понимании: отсутствие предварительного принятия на себя риска непредвиденных обстоятельств, появление непредвиденных обстоятельств и обеспечение исполнения, которое становится чрезмерно затратным. Эти 3 условия следует рассматривать в совокупности: одного факта дисбаланса недостаточно, даже если предположение является редким или даже чисто теоретическим. Следовательно, формула «договоры могут быть отозваны только по обоюдному согласию (тех, кто их заключил) или по причинам, допускаемым законом», существовавшая в старой ст. 1134, исчезла из новой ст. 1103, которая её заменила.

Условие предварительного непринятия риска является очевидным. Здесь даже наблюдается своего рода тавтология: если риск непредвиденный, мы так или иначе по определению не можем его предвидеть и, следовательно, заранее принять на себя

[6, р. 260]. Но «предполагаемый риск», упомянутый в статье, связан с возникновением диспропорции и чрезмерных затрат, а не с тем или иным событием, которое привело к этому.

Таким образом, можно считать непредвиденное обстоятельство не столько событием, сколько непредвиденным следствием, возможно, предсказуемого события [15]. Следует отметить, что именно изменение обстоятельств здесь должно быть непредсказуемым, а не сами обстоятельства. Однако эта тонкость не упрощает понимание текста или его применение.

Необходимо определить, какими могут быть эти обстоятельства¹. Использование слова «обстоятельства» расплывчатое; ставится вопрос о том, следует ли обязательно подразумевать *внешнее* или *внеконтрактualность* (*circum stare* – то, что находится вне, а не внутри) [14]. В любом случае следует учитывать, что событие произошло не из-за действий одной из сторон. Должно ли это событие быть объективно непредвиденным для обеих сторон или даже для любого «разумного» человека?

Тенденции и перспективы развития договорных обязательств

Кризисы в экономике, новые вызовы и угрозы способны привести к дисбалансу национальной экономики. Однако не следует думать о всех тех изменениях, которые могут возникнуть в результате непредвиденных событий (особенно в виду совокупных последствий и цепных реакций).

Кроме того, можно утверждать, что всё вышеперечисленное – это события экономического, финансового или материального вида, а наблюдаемые изменения не обязательно будут внезапными и жестокими, а будут носить постепенный характер. Для некоторых авторов, наоборот, новизной было бы то, что отныне мы можем учитывать обстоятельства, специфические для должника, а не внешние.

¹ Thibierge L. The contract in the face of the unexpected. Éditions Économica, coll. “Legal Research”, 2011, p. 57.

С другой стороны, очевидно, что в данном вопросе не требуется противостояние¹. Напротив, можно черпать вдохновение из многолетнего опыта административной юриспруденции, преимущество которой заключается в более или менее согласованном решении между публичным и частным правом. Однако для Государственного совета должно произойти некое непредвиденное обстоятельство, внешнее по отношению к сторонам, но не полностью непреодолимое (это не должно быть каким-либо форс-мажорным обстоятельством, а скорее лишь временным нарушением договора [37]). (Форс-мажор по своим последствиям делает невозможным исполнение договора). Это последнее условие может оказаться несовместимым с новыми статьями Гражданского кодекса, которые предусматривают не только отказ от прав, адаптацию или пересмотр, но и прекращение действия, что, по всей видимости, способно привести к необратимому изменению; но это лишь дополнительная возможность, которую публичное право не предусматривает, она не является условием допущения непредвиденных обстоятельств. Более того, нет никакой синонимии между непреодолимыми и неоправданными обстоятельствами.

Наконец, необходима чрезмерная осторожность: недостаточно того, чтобы реализация стала «более дорогой», требуется некий «излишек»². Критике подверглась данная объективная концепция чрезмерной щедрости, являющаяся третьим существенным условием. Например, один автор предложил вместо этого выбрать потерю своей «заинтересованности в контракте» одной из сторон [11, р. 446].

Вслед за Ж. Карбонье, а затем К. Жамен такая позиция стала активно поддерживаться в научной литературе³ [5; 8; 20;

34]. Можно считать, что это выражение следует принимать субъективно, т. е. не в абсолютном значении, а по отношению к уровню материального благосостояния, товарообороту, экономическому весу потерпевшего контрагента. Можно было бы уточнить, как это было сделано, например, в 2006 г., когда в законе было определено (в соответствии с прецедентным правом) понятие «дар пользователя» [10, р. 423]. В том же духе закон № 2006-728 от 23 июня 2006 г., касающийся реформы наследования и льгот, который позволил согласному наследнику полностью или частично погасить обязательства по наследству (ст. 786 C. civ.), позаботиться о том, чтобы в отношении него возникла непредвиденная задолженность, которая «привела к серьезному ухудшению его личного имущества». С другой стороны, похоже, что законодатель должен согласиться с тем, что он не дал точную цифру, как это было возможно, когда дело касалось ущерба.

Кроме того, неопределенности сохраняются. Так, в частности, в документе ничего не говорится о положении противоположной стороны. Но вопрос заключается в том, можно ли и нужно ли учитывать ситуацию противоположной стороны, когда одна из сторон действительно находится в затруднительном положении в результате непредвиденного события [36, р. 1022]. Возможно, было бы целесообразно предусмотреть в пересмотре исключительную выгоду, которую она сама извлекает из непредвиденных обстоятельств, потому что, если непредвиденные обстоятельства нанесут серьезный ущерб одной из сторон, не давая особого преимущества другой, последняя может аномально пострадать от изменений.

Должна ли, кроме того, трудность касаться если не самой сути договора, то, по крайней мере, его основного обязательства? Этот вопрос остаётся нерешённым. Требование чрезмерной бережливости подразумевает, что чаще всего это будет главной обязанностью, которая будет затронута. Но, похоже, ничего этого не требуется в принципе.

¹ Конституционный Совет. Решение № 2020-843 КПК от 28.05.2020.

² CE 9 déc. 1932, *Cie des tramways de Cherbourg*: RDP 1933, 17, concl. Josse, note Jèze.

³ Greenbaum L. Contracts: Force Majeure and the Unpredictability of the Covid-19 Pandemic Remedy? // Judge's Adaptation of the Contract with Legislative Permission, 2004, vol. 389. (Private Doctor library).

Впрочем, продвижение вперёд будет сложным, а именно «тёмным», включающим «ряд градаций реагирования» [4], нечто вроде процессуальных компромиссов, не всегда понятных и следует признать, что статьи иностранных Кодексов также часто бывают довольно длинными. В этом следует, безусловно, видеть ещё одну форму осторожности, детского страха перед новым явлением. Главная мысль этой затнутой во времени процедуры состоит в том, чтобы попытаться достичь соглашения контрагентов¹, что свидетельствует о философском подходе при оказании поддержки. При этом предпринимается попытка поддерживать контракт как можно дольше, примерно так же, как усилиями коллектива продлевается жизнеспособность обречённого производства.

Механизм процедуры включает 3 шага, которые объединены в 2 периода. Первый шаг: контрагенту делается запрос о повторных переговорах, за которым может последовать обсуждение, поскольку ясно, что контрагент может удовольствоваться отказом. Второй шаг: в случае неудачи (отказ от переговоров или срыв переговоров) приступают к условному расторжению соглашения или к совместному запросу юридической «адаптации». Третий шаг: условное расторжение контракта благоприятно рассмотрено, но не завершено из-за расхождений по вопросу даты и/или условий, или же нет согласия по вопросу назначения судьи. В этом случае расторжение контракта или его пересмотр могут быть предписаны судьёй, если он назначен, даже если о его назначении запрашивала одна из сторон (односторонний запрос). Судья становится третьей стороной контракта [2, р. 721]. Он может изменять цены, индексации, сроки, процентную ставку и т. д.

Из вышесказанного видно насколько вторая фаза процесса чревата проблемами. Необходимо определить, является ли предварительная обязательная фаза переговоров полезной или просто формальной. Документ контракта, несмотря на долгий

срок подготовки, может быть истолкован по-разному. Желание спасти контракт любой ценой побуждает использовать возможности второй фазы процедуры. Поскольку в случае неудачных переговоров или отказа от них стороны с общего согласия могут принять вариант «условного расторжения контракта» или назначения судьи для адаптации контракта, то эта формула носит скорее символический, чем практический характер; во второй фазе первым решением опции всегда выступает напоминание того, чего можно достичь в любой момент путём согласия сторон, и что второе решение имеет мало шансов для успешной реализации (зачем сторонам, неспособным прийти к общему решению по контракту, соглашаться по вопросу назначения незнакомого им судьи для завершения контракта?). Наконец, вторая фаза процедуры не кажется состоятельной: она рискует остаться чисто символической [11, р. 449].

Кроме того, было бы логично, если бы отмена контракта применялась только на будущее [36, р. 1023]. Но, согласно документу, судья может назначить желаемую им дату расторжения контракта и даже его пересмотра задолго до вынесения решения и, например, в тот момент, когда он сочтёт, что баланс был нарушен в ущерб одной из сторон². Легко представить, какие споры могут возникнуть по этому поводу.

Возникает также вопрос: должен ли судья придерживаться каких-либо принципов при пересмотре контракта. Было высказано предположение, что судья будет ссылаться на «законные ожидания сторон»³ или что его задача должна заключаться в «исправлении дисбаланса в договорах» [34]. Но конкретики не указано.

² Heinich J. Acclimatize revision for unforeseeability in contracts in French law, in A new contract law at the service of French business law, op. cit.

³ Ст. 92 проекта Тeppe и Мустафы Мекки, Постановление № 2016-131 от 10.02.2016. о реформировании договорного права, общего режима и доказывания обязательств. Юридический аспект контрактов: искусство повторения без отмены, op. соч., с. 494, № 24.

¹ Voirin P., Goubeaux G. Civil Law. Vol. 1, op. cit., no. 992, p. 419.

Следует ли ссылаться на возможную презумпцию эквивалентности выгод в коммутативном контракте? [6, р. 226]. Новая ст. 1108 кодекса (по аналогии со старой ст. 1104, датированной 1804 г.¹), позволяет согласиться с этим: «Договор является коммутативным, когда каждая из сторон обязуется предоставить другой стороне преимущество, которое рассматривается как эквивалентное тому, которое она получает». Какой тип контроля будет осуществлять в этом отношении кассационный суд – неизвестно.

Профессор С. Гримальди выражает обеспокоенность по поводу будущего, отмечая, что в тексте отсутствует уточнение [17, р. 607], «предоставляя судье право расторгнуть контракт или пересмотреть его... без механизма конкретных положений об исполнении». Можно быть ещё более суровым и сожалеть о том, что этот текст является признаком дегенерации искусства принятия законов. Но разве не неисполнимость была в конечном итоге целью поиска?

Заключение

В конце концов, всё это может оказаться напрасным, и по-прежнему, или даже больше, чем прежде, только договор будет подвержен непредвиденным обстоятельствам. До реформы импревизия (*imprevision*) регулировалась только договором, а после реформы импревизия всегда будет предметом договора. Многие юристы объясняют, что эта долгая и сложная процедура, и эти неопределённые базовые условия не приспособлены к деловой жизни, которая требует скорости и определённости². Мы даже можем назвать документ «тревожным» и порождающим «абсолютную

неуверенность»³. «Пересмотр на предмет непредвиденных обстоятельств пугает»⁴. Конечно, некоторые комментаторы, приветствуют новый документ, но смягчают свои слова, заявляя, что это случится, только если судьи будут иметь ясное видение «бизнес-дружественного» делового мира.

Ж. Губо отметил, что мы находимся на грани оксюморона, когда заявляем, что можем предвидеть непредсказуемое, стороны часто «предвидели непредвиденные обстоятельства»⁵. Действительно, они всегда могли предусмотреть непредвиденное событие в каком-либо пункте контракта: оговорки о непредвиденных обстоятельствах или отказ от ответственности в положении дел. Поняты контракты, которые имеют последовательное продление и зависимость от будущих перспектив или о трудностях или защите, «адаптации к новым обстоятельствам», или даже о развитии событий или цене в зависимости от будущих результатов, при необходимости и дополнительно, с различными условиями, включая арбитражную оговорку или оговорку о посредничестве или судебном разбирательстве [10, р. 416].

Таким образом, пункты о непредвиденных обстоятельствах уже очень распространены, в договорах также допускается наличие пунктов одностороннего расторжения без подтверждения непредвиденного события [10, р. 116] или пунктов существенных неблагоприятных изменений [37]. Как пишет А. Гози: «тем, кто не устал сожалеть о том, что во французском гражданском праве не рассматривается вопрос о непредвиденных обстоятельствах, следует напомнить, что контракт, акт прогнозирования по существу, должен предусматривать трудности, и что лучшим решением при таких обстоятельствах яв-

¹ Бывшая ст. 1104 C. civ.: «Коммутативно, когда каждая из сторон обязуется дать или сделать что-то, что рассматривается как эквивалент того, что ей дано или того, что делается для нее».

² Fages B. The applicability of common contract law to business law // Gazette du Palais (A new contract law at the service of French business law). Law & Trade Colloquium. 2017. P. 11.

³ Fougou S. The reform of contract law and industrial operations // Gazette du Palais (A new contract law at the service of French business law). Law & Trade Colloquium. 2017. P. 115–130.

⁴ Heinich J. Acclimatize revision for unforeseeability in contracts in French law, in A new contract law at the service of French business law, op. cit.

⁵ Voirin P., Goubaux G. Civil Law. Vol. 1, op. cit., no. 992, p. 419.

ляется согласование самими заинтересованными сторонами»¹.

Со времени проведения реформы положения о непредвиденных обстоятельствах не только разрешены, но и даже поощряются. В отчёте, прилагаемом к постановлению, говорилось, что непредвиденные обстоятельства призваны сыграть превентивную роль, поскольку риск расторжения или пересмотра контракта судьёй должен побудить стороны к переговорам² до или после обмена согласиями. Текст документа, в целом, действительно является дополнительным³. В отчёте, опубликованном одновременно с постановлением, прямо говорится об этом, и различные авторы высказывают своё мнение [17, р. 607]. В Министерстве юстиции подтверждают дополнительный характер документа [12, р. 2220]. Многие советуют контрагентам учитывать пункт о непредвиденных обстоятельствах. Дж. Моури отмечает, что существует также «дополнительность» в том смысле, что судья не может вмешиваться, если пересмотр сторон привёл к соглашению [36, р. 1023].

Трудность будет заключаться в согласовании существующих пунктов с новыми документами⁴. Например, пункт об индексации, определении цены, покрытии обменного курса, изменении цены на основе будущих результатов, которые часто заменяют положения о непредвиденных обстоятельствах, автоматически исключают или не исключают действие статьи 1195? [29]. В конце концов, новый документ может усложнить работу юристов-предпринимателей.

Как отметил один исследователь, «озабоченность экономических субъектов может привести к тому, что они просто отка-

жутся от этого механизма» [17, р. 607]. Это, действительно, похоже на то, что происходит на практике. В настоящее время только в тех компаниях, где уже предусмотрена оговорка о непредвиденных обстоятельствах не требуется повторно вводить новое условие об отказе в ст. 1195⁵.

Вместо этого многие юристы советуют сторонам всегда указывать положение о непредвиденных обстоятельствах. Так, например, Моури Дж. отмечает, что существует также «дополнительность», в том смысле, что судья не может вмешиваться, если пересмотр сторон привёл к соглашению [36, р. 1021]. Действительно, сложность документа способствует предвидению чего-то ещё. Но написать такие положения очень непросто. Возможно, некоторые из них воспользуются текстовым механизмом (упрощая его, потому что модель вряд ли будет привлекательна как из-за её неясной формулировки, так и из-за её сложности) для разработки договорного механизма с целым рядом возможных корректировок: описание обстоятельств, характера их изменения, пороговые значения, предельные значения, прекращение без пересмотра, пересмотр, ограниченный единственной ценой, условия пересмотра договора, арбитражная оговорка, различные корректировки полномочий судьи и т. п.

Наконец, новые проекты статей должны быть согласованы с постоянной возможностью вмешательства судьи. Остаются вопросы. Что может произойти, если в контракт включён пункт о непредвиденных обстоятельствах, но он частично не соответствует новой ситуации? Может ли судья вмешаться в эту гипотезу? Если пункт о непредвиденных обстоятельствах существует, но оказывается неспособным решить конкретную непредвиденную проблему, или если она может сделать это только частично, будет ли само её наличие

¹ Ghazi A. Effect of agreements, Interpretation, Qualification (art. 1134 to 1143). In: Catala Project. № 4. P. 147.

² Доклад Президенту Республики об Указе № 2016-131 от 10.02.2016 о реформировании договорного права, общей системы и доказывания обязательств, 30 № 0035 от 11.02.2016.

³ Libchaber R. For a reasoned imperative of the revision for unforeseeability // Dalloz Collection. 2020. P. 1185.

⁴ Fougou S. The reform of contract law and industrial operations // Gazette du Palais (A new contract law at the service of French business law), Law & Trade Colloquium. 2017. P. 115–130.

⁵ Grandjean J. P. A new field for contractual technique // Gazette du Palais (A new contract law at the service of French business law), Law & Commerce Colloquium. 2017.

исключать возможность обращения к положениям ст. 1195?

Можно возразить, что Гражданский кодекс – «конституция физических лиц», в том смысле, в котором её понимал Ж. Карбонье, предназначена для граждан, а не для бизнеса. Но действительно ли нужно предлагать людям, которые, очевидно, не часто предвидели трудности, оговариваясь специально *ad hoc*, такой сложный процесс?

Пока мы усиливаем полномочия судьи и выполняем только превентивную или убедительную роль, возможно, было бы лучше сохранить простоту и прибегнуть к единой формуле – краткой и спокойной, где каждое слово было бы задано. Ст. 1195 Гражданского кодекса Франции 2016 г. недостойна того, что Порталис, Тронше, Малевиль и Биге де Преамену могли написать в 1804 г. Ж. Рипер предложил формулу: «Судья может расторгнуть или пересмотреть первоначальный договор,

когда в результате обстоятельств, которые нельзя было предвидеть, должник понесёт значительный ущерб, а кредитор получит несправедливую прибыль от договора, которое не было вдохновлено спекулятивной целью» [40, р. 156]. С учётом экономии времени на промежуточной и неясной фазе переговоров, можно было бы довольствоваться формулой: «Если непредусмотренные договором обстоятельства во время его заключения сделают выполнение чрезмерно обременительным для одной из сторон, которая не согласилась принять на себя риск, она может попросить судью расторгнуть или пересмотреть договор с учётом оговорок, сделанных ранее». Как сказал один французский юрист, прискорбно, что «мармореанский стиль» Кодекса Наполеона был заменён на «неточный» и «мелочный» язык «недоступный для понимания»¹.

Статья поступила в редакцию 09.09.2021.

REFERENCES

1. Advocacy for contractual solidarity in Studies offered to J. Ghestin. LGDJ, 2001. 445 p.
2. Ancel F. Which judge for the contract in the XXI century? Dalloz, 2017. 725 p.
3. Aynes L. Improvisation in private law. In: *Commercial Jurisprudence Review*, 2005, no. 5, pp. 1–10.
4. Bénabent A., Aynès L. Contract law reform and obligations. In: *Recueil Dalloz*, 2016, no. 8, pp. 434.
5. Benatti F. The imprevision in the reformed Civil Code. In: *Revista Facultad de Jurisprudencia*, 2021, no. 10. Available at: <https://www.redalyc.org/journal/6002/600266296009/html> (accessed: 06.02.2022).
6. Berthiau D. The principle of equality and civil law contracts. LGDJ, 1999. 475 p.
7. Boffa R. Just cause (and unjust clause). In: *Recueil Dalloz*, 2015, no. 2, pp. 335.
8. Carbonnier J. Civil law: goods, obligations. Vol. 2. Paris, PUF Publ., 2004. 823 p.
9. Cavalier B. The contract law reform project in the face of the crisis: what future for the theory of hardship? In: *Lamy Civil Law Review*, 2009, no. 3519, p. 70–73.
10. Chabas C. Lawful breach of contract. Paris, PUF Publ., 2002. 823 p.
11. Chantepie G., Latina M. Reform of the law of obligations. Theoretical and practical commentary in the manner of the Civil Code. Dalloz Publ., 2016. 1144 p.
12. Chénéde F. Interpretation and improvement of the new contract law. In: *Collection of Dalloz*, 2017, no. 9, p. 2214.
13. David R. Unpredictability in European law, in Studies offered to Alfred Jauffret. LGDJ. 1974. 211 p.
14. Fauvarque-Cosson B. The change of circumstances. In: *Recueil Dalloz Collection*, 2004, pp. 1–64.
15. François B. Benedicte François. Some major impacts of the reform of contract law on the transfer of social rights. In: *Recueil Dalloz*, 2016, no. 48.
16. Geynich J. Impact of the coronavirus epidemic on commercial contracts: from force majeure to unpredictability. Dalloz, 2020. 611 p.
17. Grimaldi K. En prévision de la ratification de la loi... Dalloz, 2016. 607 p.
18. Gubina M. Guiding principles of contract law. In: *Private Law*. Grenoble Alps, 2016.
19. Saint-Victor de J. Liberalism, Neoliberalism, social-liberalism, liberalism and more if you like... In: *Revue des deux mondes*, 2015, no. 7, pp. 32–45.

¹ Malaurie P. Dictionary of Humanist Law. France, Paris II. Publishing House LGDJ. 2015. 162 p.

20. Jamin Ch. Revision and immateriality, or the double philosophy of art. 1134 of the Civil Code of the Russian Federation Revision. In: *Law and Heritage*, 1998, no. 58, pp. 46–56.
21. Khutsiev D. Derogatory Contract Enforcement in the Context of a Health Crisis: To Execute or Not to Execute. In: *La Lettre juridique*, 2020, no. 8, pp. 1–12.
22. Kiraz E., Üstün E. Y. COVID-19 and force majeure clauses: an examination of arbitral tribunal's awards. In: *Uniform Law Review*, 2020, vol. 25, iss. 4, pp. 1–29.
23. Leveneur L., Robineau Y. The use of orders in private law, debate organized by Nicolas Balat. In: *Revue de droit d'Assas*, 2016, vol. 12, pp. 9–12.
24. Marty G., Raynaud P. *Civil law: Obligations*. Siney, Paris, 1962. 927 p.
25. Mazeaud D. A few words on the reform of contract law reform. In: *Recueil Dalloz*, 2018, pp. 912.
26. Mazeaud D. *Loyalty, fraternity, solidarity: the new contractual motto? Blends in homage to François Terré*. Dalloz. 1999. 603 p.
27. Mekki M. From the emergency to the unforeseen Covid-19: what contractual tools? In: *AJ Contract*, 2020, p. 164
28. Mekki M. Ordinance No. 2016-131 of February 10, 2016 reforming contract law, the general regime and proof of obligations. In: *Recueil Dalloz*, 2016, no. 24, pp. 494.
29. Mekki M. The impact of the reform of contract law on company law: rupture or continuity? Available at: <https://mustaphamekki.openum.ca/files/sites/37/2016/12/1re-partie-reforme-du-droit-des-contrats-et-droit-des-societes.pdf> (accessed: 18.02.2022).
30. Mekki M. La loi portant ratification de l'ordonnance du 10 février 2016. In: *Dalloz*. Available at: <https://actu.dalloz-etudiant.fr/le-billet/article/la-loi-portant-ratification-de-lordonnance-du-10-fevrier-2016/h/7e7b2a59f88f0c3484a0539d4e701cdd.html> (accessed: 18.02.2022).
31. Mekki M. Reform of Contract Law and Business World. In: *European Review of Contract Law*, 2017, no. 13 (4). DOI: 10.1515/ercl-2017-0023
32. Meunier G. Droit des contrats : les défis d'une réforme! In: *Village de la Justice*. Available at: <https://www.village-justice.com/articles/Droit-des-contrats-les-enjeux-une,21559.html> (accessed: 18.02.2022).
33. Molfessis N. Le rôle du juge en cas d'imprévision dans la réforme du droit des contrats. In: *La Semaine Juridique*, 2015, no. 52, p. 2390–2393.
34. Montefusco L. Interpreting the Conditions for Imprévision: The Goals of the Reform Projects as a Decisive Tool for French and Belgian Courts. In: *Journal of Civil Law Studies*, 2020, vol. 3, pp. 1–56.
35. Moury J. In praise, once again, of sobriety. In: *Dalloz Collection*, 2017, no. 5, pp. 209.
36. Moury J. Price determination in the “new” common contract law. In: *Recueil Dalloz*, 2016, no. 18, pp. 1026.
37. Moury J., François B. Some major impacts of the reform of contract law on the transfer of social rights. In: *Recueil Dalloz*, 2016, no. 38, pp. 2225.
38. Philip D. M. Change of circumstances and revolution in the contract economy [bibliographic reference]. In: *International Review of Comparative Law*, 1988, no. 40 (3), pp. 675–676.
39. Pichonnaz P., Werro F. *Contractual practice: Symposium on contract law*. Geneva, Zürich, Basel, 2015. 256 p.
40. Ripert G. The moral rule in civil obligations. In: *Anthologie du droit*, 1949. 424 p.
41. Roland H., Boyer L. *Adages en droit français*. Litec, 1992. 618 p.
42. Semitko A. P. Historical roots and the current state of the problem “public – private law” in the French legal doctrine. In: *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, 2021 vol. 25, no. 3, pp. 562 –585.
43. Semitko A. P. Sergey Sergeevich Alekseev on the social value of law. In: *Social value of law in modern society: Proceedings of the 6th All-Russian Symposium, Yekaterinburg, June 03–04, 2021*. Yekaterinburg, 2021. P. 6–25.
44. Stoffel-Munck Ph. Perspectives on the theory of hardship: towards contractual flexibility in contemporary French private law. In: *AJCA*, 1994.
45. Stoffel-Munck Ph. Termination for hardship. In: *AJCA*, 2015, pp. 262–265.
46. Stoffel-Munck Ph. Unpredictability and the reform of contract effects. In: *Review of contracts*, 2016, no. 112, pp. 1–30.
47. Tallon D. The revision of the contract with regard to the teachings of comparative law. In: *Law and business life: studies in memory of Alain Sayag*, 1997, pp. 403–417.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дидье Гевель – профессор, декан юридического факультета Парижского университета;
e-mail: guevel.didier@univ-paris13.fr

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Didier Guevel – Prof., Dean of the Faculty of Law, University of Paris;
e-mail: guevel.didier@univ-paris13.fr

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гевель Д. Непредвиденные обстоятельства: история развития института обязательств во Франции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 1. С. 82–97.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-1-82-97

FOR CITATION

Gevel D. Unforeseen Circumstances: History of the Institution of Commitments in France. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 1, pp. 82–97.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-1-82-97